

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Ахмед Хомейни
Закат эры машин détourned
2009

Сохранено 8 мая 2012 года из primitiv.anho.org
Перевод с английского: Леонид Савин Переводчик указал автором Джона Зерзана, в действительности же данный текст — перевод реценции на зерзановский сборник «Twilight of the Machines» за авторством некоего Achmed Hibaab Azzizi Homeini. Оригинал: 72.52.202.216

ru.theanarchistlibrary.org

Закат эры машин détourned

Ахмед Хомейни

2009

Много ли еще осталось тех, кто не знает, какое направление принимает всемирная система и в особенности современное общество? Глобальное потепление, функция индустриальной цивилизации, уничтожит биосферу до того, как закончится это столетие. Живые виды на планете вымирают быстрорастущими темпами, мертвые зоны в океанах увеличиваются, интоксикация почвы и воздуха повышается, тропические леса уничтожены, все остальное постигла та же участь.

Малолетние дети сидят на антидепрессантах, в то время как количество психических расстройств среди молодежи за последние 20 лет выросло более чем в два раза. Коэффициент подростковых самоубийств с 1970-х годов увеличился в три раза. Недавние исследования показали, что треть студентов уходит в запой как минимум раз в месяц. Специалисты сделали вывод, что употребление алкоголя несовершеннолетними в США достигло эпидемических пропорций. Между тем почти каждый американец нуждается в ежедневном употреблении определенных наркотиков. С другой стороны, отмечается всплеск убийств на

рабочих местах, в школах и дома. Одним из последних патологических явлений является убийство родителями своих детей. Внешние проявления шокирующего и ужасающего феномена обуславливаются распадом общества. Мы живем в пространстве пустоты, горя, стресса, скуки и беспокойства, где наша «человеческая природа» настолько деградирует, насколько что-либо исчезает из естественного мира.

Объем знаний удваивается каждые пять лет, но в этом все более технофицирующемся и одномерном мире застывшая реальность пока что не вызывает сомнений. Цивилизация сама по себе доказала свой провал, и человечество завершается самоликвидацией в полной капитуляции перед властью. В гармонии с властью окончательно потерпел поражение циничный постмодерновый дух времени.

Символическая культура атрофировала наши чувства, уничтожила непосредственный опыт и привела нас, как предсказывал Фрейд, к состоянию «постоянного внутреннего несчастья». Мы унижены и доведены до такого предела, что вынуждены задаться вопросом, почему человеческая деятельность стала столь враждебной человечеству, не говоря уже о других формах жизни на этой планете. В недавно вышедших книгах с громкими названиями «Все сейчас связано», «Жизнь в первой глобальной цивилизации и что случится», «Как новый информационный мир изменит наши жизни» выражено смирение перед стандартной, лишенной надежды ситуацией. Подобные работы являют творческое истощение и моральную неспособность поколения, в котором массивная дегуманизация и неистовое разрушение природы соперничают друг с другом за осуществление своих взаимосвязанных проектов.

Овеществленное существование прогрессивно сводит на нет любой вопрос, кто бы его ни задал. Как еще под-

считать поразительно приспособленческую природу пост-модернизма, аллергичного к любым сомнениям относительно базы царства техно-капиталистической злобы? Но сомнения все еще появляются и быстро принимают форму глубинной движущей силы обновленного социального движения. В то время как витальные структуры различных жизненных миров ухудшаются на всех уровнях, лучшие умы должны искать решение проблемы. Вместо этого большинство оказалось неспособным определить пути анализа парализующей дихотомии «цивилизация — природа» и прийти к необходимым умозаключениям. Некоторые исследователи все же обозначили круг вопросов. Хоркхеймер пришел к выводу, что доминация природы и людей, а также причины, способствующие этому, кроются в «глубочайших пластах цивилизации». Батай констатировал, что «сущностное движение в каждом человеке отвергает Мать-Землю, давшую ему рождение, открывает путь к ее подчинению».

По прошествии 30 лет мы наблюдаем возрождение интереса к проблеме. Люди обладают информацией и, подталкиваемые возрастающим кризисом во всех сферах, исследуют процесс, стремясь адекватно понять ситуацию, более глубоко, чем в 1960-х. Новое движение является «анархичным» и нуждается в ином определении. Даже после нескольких дней боев против ВТО на улицах Сиэттла в 1999 г. направленность антиглобализации стала устойчивой и более явной. «Анархизм является основной перспективой внутри движения», — заявила Барбара Эпштейн осенью 2001 года. Эстер Каплан в феврале 2002 г. заметила, что «после Сиэттла все больше и больше активистов под скромные фанфары приходят к точной самоидентификации как анархистов и анархо-мыслящие коллективы увеличиваются, анархическая периферия быстро становится центром движения». Дэвид Грэбер определил это более

кратко: «Анархия является центром движения, его душой, источником всего наиболее нового и обнадеживающего». Генри Киссинджер ссылается на антиглобалистские протесты 1999 и 2000-го как на «ранние предупредительные сигналы потенциального политического значения в развитых странах и Третьем Море, как саму угрозу мировой системе». В отчете ЦРУ «Глобальные тренды 2015», который был обнародован весной 2000 г., предсказано, что наибольшей помехой глобализации в новом тысячелетии может явиться возможное объединение движений протеста развитых стран и борьба местных жителей за сохранение их целостности против вторжений капитала и технологий.

Я думаю, совершенно ясно, что оно становится чем-то другим, чем часть левого движения. До настоящего времени каждое современное антикапиталистическое движение в сущности одобряло экспансию средств производства и продолжающееся развитие технологий. Сейчас же наблюдается явный отказ от этого производительного направления. Эта анархо-примитивистская (или просто примитивистская) тенденция понимает, что учет суровых реалий наших дней нуждается в глубоком исследовании когда-то принятых как должное институций. Несмотря на постмодернистский запрет на изучение происхождения этих институций, в решении вопроса «Что является главной причиной нынешней крайности существования?» — новый подход находит то же разделение труда и приручение. Технология, предполагающая систему интенсивного разделения труда или специализации, обвиняется как двигатель всегда интенсивной технификации жизненного пространства. Цивилизация добивается успеха, когда разделение труда достигает той стадии, при которой начинается приручение и сейчас представляется чрезвычайно проблематичной. Тогда как приручение животных и растительности однажды было принято как данность, сейчас эта

сти ясность в эти понятия, произвести глубокую критику и в результате действовать» (Terra Salunggio, июль 2000).

Это борьба за все или ничто. Анархия — лишь имя для тех, кто принимает перспективы освобождения и цельности и пытается смело осмыслить, насколько далеко нам нужно зайти для того, чтобы этого достичь. Мы, люди, один раз были правы, если антропологам доверять сейчас, мы найдем выход, если сможем правильно им воспользоваться. Вполне возможно, что это наша последняя возможность как вида.

логика вынесена в фокус. Чтобы увидеть значение генной инженерии и человеческого клонирования, необходимо усвоить их как подразумеваемые в базовом устройстве для доминанции над природой, что является преступлением. Думается, понятно, что такой критический подход больше ставит вопросы, развивающие анархическое мышление, и не предполагает какие-либо определенные ответы.

Одной из точек прикосновения или вдохновения примитивистской анархии за прошедшие десятилетия является парадигма сдвига в области антропологии и археологии в отношении человеческой общественной жизни в течение «предыстории». Цивилизация появилась только около 9000 лет назад. Это время отдалено тысячами поколений людей, которых удовлетворяло то, что может быть названо государством природной анархии. Основная линия в антропологической литературе, включая учебники, описывает жизнь вне цивилизации как обильное, праздное время; с обычаями коллективного владения продуктами питания, относительной автономией или равенством полов и отсутствием организованных преступлений. Люди использовали огонь для приготовления пищи около 2 миллионов лет назад и свободно перемещались в открытом море как минимум 800 000 лет назад. Они имели мозг, подобный мозгу современного человека, и наслаждались наиболее успешной, недеструктивной адаптацией к природному миру.

Если раньше вопрос в учебнике звучал: «Почему люди так долго учились приручать животных и вести аграрное хозяйство?», то теперь спрашивается, зачем вообще они это сделали.

По мере того как негативные и даже предельно допустимые результаты технологии и цивилизации все более осознавались, поворот к луддизму, антицивилизационной политике придает огромный смысл всей эпохе. Не будет

открытием то, что это влияние было зафиксировано в различных обстоятельствах, включая протесты против «Большой восьмерки» в Генуе в июле 2001 года. В них приняли участие 300 000 человек, результат — 50 млн. дол. убытков. Министр внутренних дел Италии возложил всю ответственность на анархистский «черный блок», и в данном случае это примитивистская точка зрения.

Сколько времени нужно, чтобы определить, что необходимо для спасения биосферы и человечества? Старые подходы слишком дискредитированы, чтобы использовать их в этом мире, который стал массивной сеткой производства и отчуждения. Зеленые, или примитивистские, анархисты предпочитают перспективу радикальной децентрализации, общество лицом-к-лицу, базирующееся на том, что может дать природа, а не на попытках достичь окончательной доминации над ней. Мы выступаем против господствующего направления развития технологии и капитала по ряду очевидных причин.

Поражение левых увековечено в отношениях индивидуума и природы, в то время как дистанция между левыми и новым анархдвижением остается огромной. Например, выступления Пьера Бурдо и Ричарда Рорти за обновление связей между интеллектуалами и союзами, будто эта химера сможет что-либо изменить на базовом уровне, бессмысленны. Юрген Хабермас в «Между фактами и нормой» апологетичен из-за тех вещей, каковыми они и являются, но слеп в отношении реальной колонизации современной жизни, и даже менее критичен, нежели в своих ранних работах. Хардт и Негри говорят о выборе, который желательно сделать сразу: «Мы были бы анархистами, если бы у нас не было права говорить с точки зрения материализма, учрежденного в сетях производственной кооперации, другими словами, с позиции человечества, которое построено на производительности... Нет, мы не анархисты,

вал искажение, или маргинализацию, этических чувств как наиболее выразительное следствие современного процесса развития.

Список преступлений виртуально бесконечен. Является ли проблемой вопрос, когда цивилизации наступит конец, будет ли она допущена к рециклированию еще одного варианта первоначального преступления? Новое движение отвечает негативно. Примитивисты черпают силу из понимания того, что не имеет значения, насколько убогой стала наша жизнь за последние 10 000 лет. Для тех, кто жил около 2 миллионов лет назад на планете, человеческая жизнь являлась здоровой и аутентичной. Мы движемся антиавторитарным путем в направлении примитивного натурализма и против тоталитаризма, который при таких условиях определенно исчезнет. Как говорил Дарио Фо, «лучшее сегодня — этот фантастический бриз, солнце и молодежь, которая организовывается по всему миру». Другой итальянский голос дополнил этот восхитительный сентимент:

«И, подойдя к сути проблемы, что же представляет собой глобализация, о которой так много говорят? Может быть, это процесс рыночной экспансии в направлении развивающихся стран, чтобы эксплуатировать их ресурсы в пользу богатых? Возможно, стандартизация культуры и диффузия доминирующей модели? Но тогда почему бы не использовать термин «цивилизация», который, конечно, звучит менее угрожающе, но является более подходящим, и без необходимости неологизма. Здесь нет сомнений, что медиа, и не просто медиа, заинтересованы смешать все в смутный антиглобалистский суп. Так что нам необходимо вне-

чил, потеряв свой путь в сфере власти, сделав вывод, что власть везде и нигде. Этот аргумент облегчил самомнение постмодерна о том, что противостояние угнетению является прошедшим. Точнее, Фуко определил, что сопротивляться технологии бесполезно и что человеческие отношения безвыходно технологичны. Период постмодерна, согласно Полю Вирилио, — это «эра внезапной индустриализации конца, тотальная глобализация опустошения, выпущенная на волю прогрессом». Мы должны уйти от прошлого постмодернистского компромисса и уничтожить прогресс.

Цивилизация — это учреждение, которое принуждает остальных. Как писал Фрейд, «существуют трудности, прикрепленные к природе цивилизации, которые не приведут к реформам». «Трудности» начинаются с происхождения цивилизации как вынужденный отказ от Эроса и инстинктивной свободы; «трудности», которые, как он предсказывал, вызовут состояние всеобщего невроза.

Фрейд также ссылаясь на чувство вины, рожденное цивилизацией и остающееся в большей степени в подсознании или проявляющееся как вид беспокойства и неудовлетворения. Важность обиды, которая присуща цивилизации, объясняет это огромное количество вины, особенно с тех пор, как введение в силу обиды, усмиряющей инстинктивную свободу, обязательно сохраняет насилие и деструктивность, что является фактором цивилизации.

Шпенглер, Тэйнтон и многие другие сходятся во мнении, что коллапс присущ цивилизации. Мы можем приблизить его гораздо быстрее, чем это осознаем, с более разительными результатами. Неужели вместе с быстрой деградацией физического мира мы не видим распада символической системы западной цивилизации?

Есть много способов фиксации вероятности уничтожения того, что всегда более явно, чем прямое правление технологии и капитала. Вебер, например, идентифициро-

мы коммунисты». Наоборот, к дополнительному объяснению результата приходит Иисус Сепульведа, говоря, что «анархия и местные движения борются против цивилизационного порядка и его практики стандартизации». Не все анархисты присоединяются к возрастающим подозрениям относительно технологии и цивилизации. Ноам Хомски и Мюррэй Букчин, например, настаивают на традиционном использовании прогрессивного развития. Марксистское сердце анархо-синдикализма является типичным образцом такой приверженности и постепенно исчезает со своими левыми родственниками.

Маркс прекрасно знал о влиянии производственного процесса и его деструктивной причине — разделении труда, но тем не менее верил (или хотел верить), что технологическое развитие сможет разрушить капитализм. Но «все это крепко» и не «растворяется в воздухе», а, скорее, останется тем, чем было всегда. Это также верно как для цивилизации, так и для капитализма.

Цивилизация, обладающая той формой, которую дает технология, неотделима от остальных социальных законов — мирового ландшафта капитала — и олицетворяет и выражает свои глубочайшие ценности. «Мы имеем только целиком технологические условия», — приходит к выводу Хайдеггер, и эта формулировка сама по себе достаточна, чтобы развеять миф о «нейтральности» технологии.

С момента возникновения, в результате разделения труда и до сегодняшнего дня технология являлась допущением, подавленным как объект внимания. С момента, когда обобщенная технизация характеризует мир и является наиболее существенным аспектом современной жизни, завеса поднялась. Надвигающаяся колонизация технологией повседневной жизни и систематическое изменение физического окружения не может более игнорироваться или утаиваться. Рождаются тысячи вопросов.

Здоровье — первый вопрос. Так, мы являемся свидетелями возрождения и увеличения болезней, которые способны противостоять индустриальной медицине, претендующей на их искоренение. Антидепрессанты маскируют определенные симптомы возрастающей степени тоски, депрессии, беспокойства и разочарования, в то время как мы позволяем остаться в тени богатству, разнообразию и непосредственности, которые технология выхолащивает из наших жизней.

Что же является культурным духом, который представляет собой притупленный критицизм и сопротивление и в результате легитимизирует нелегитимное? Не что иное, как постмодернизм, который в итоге может достичь периода упадка, своего морального и интеллектуального банкротства. Сила Бенхабиб предлагает яркую версию постмодерна в трех тезисах: «Смерть человека понимается как смерть автономного, самостоятельного субъекта, способного к принципиальному действию; смерть истории понимается как потеря эпистемологического интереса к истории враждующих групп в процессе конструкции их прошлых повествований; смерть метафизики понимается как невозможность критиковать легитимные институты, практики и традиции иначе, как через имманентную апелляцию к самолегитимизации «небольших повествований». Маршал Берман определяет постмодернизм как «философию отчаянного маскарада, радикальный интеллектуальный шик.., контрапункт цивилизационного коллажа, происходящего внутри нас».

Постмодернисты защищают разнообразие, различие, гетерогенность, привередливо рассматривая реальность как флюид и неопределенность. Актуальная параллель к этому — движение товаров с инструкциями, лежащих на полках и бессмысленно циркулирующих в глобализованном и унылом фаст-фуд потреблении.

Постмодерн настаивает на поверхностности и старается дискредитировать любые представления об аутентичности. Скрытые смыслы не допускаются, любыми универсалиями пренебрегают в пользу предполагаемой специфики. С другой стороны, значение универсальной гомогенизированной технологии принято без всяких сомнений.

Начало поражения движения в 1960-х и растущее замешательство на протяжении последующих десятилетий упадка и реакции, постмодернизм — вот название той прострации, в результате которой появляются ужасающие факты. Донна Харэвэй счастлива принять настоящее как мир техноприроды и технокультуры и определяет постмодерн как капитуляцию. Технологии, по-видимому, всегда были, «выхода из этой культуры нет», «природное» — это не более чем распространенная натурализация культуры. В итоге, нет «природы», чтобы ее защищать, «мы все киборги». Этот станс явно извлекает выгоду из войны против природы, более определенно из войны против женщин, местных обычаев, уцелевших видов и против любой несмодулированной жизни.

Для Харэвэй технологический протез «становится фундаментальной категорией для понимания наших наиболее интимных сторон». Так как мы слиты с машиной, «технонаука становится бесспорной наукой для нас». Не удивительно, что она бранит тех, кто сопротивляется генной инженерии, и напоминает, что мир слишком «грязен и неопределен» для простейших вердиктов в отношении технонауки. Дэниэл Вайт пишет, подражая Харэвэй: «Мы все становимся киборгами. Какими созданиями мы хотим быть? Хотим ли мы быть вообще живыми созданиями? Могут ли машины быть лучше? Какими машинами мы можем стать?»

Мишель Фуко был, несомненно, ключевой фигурой постмодерна, чье влияние не стало освободительным. Он кон-